

ОЦЕНКА ВОЕННЫХ ПОТЕРЬ: ПОИСКИ ИСТИНЫ, НЕВЕЖЕСТВО ИЛИ ПРЕДВЗЯТОСТЬ?

СЕРГЕЙ МАКСУДОВ

Хотя Великая Отечественная война закончилась более 70 лет назад, проблема оценки военных и гражданских потерь советского населения горячо обсуждается сегодня как в научных, так и в общественно-политических кругах. Отчасти это связано с привлечением новых архивных материалов и информации, сохранившейся в семьях людей, пострадавших в годы войны. Но, с другой стороны, использование средств массовой информации, особенно Интернета, открывает возможность для людей недостаточно компетентных, но приверженных определенной точке зрения, широко распространять свои взгляды. Так, историк И. Ивлев утверждает, что для оценки численности населения в 1941 г. не нужно использовать переписи населения, сведения о рождаемости и смертности, поскольку он нашел в архиве Госплана абсолютно достоверную «истинную» оценку. В статье показывается ошибочность подхода Ивлева и других авторов, преувеличивающих, как правило, размеры демографических потерь.

Что касается собственно военных потерь, число погибших не может быть сильно увеличено, поскольку ограничено численностью призывного контингента на неоккупированных территориях, а также соотношением в боевых потерях убитых, раненых и уцелевших (погибшие в бою составляют, как правило, 20-25% вступивших в сражение). С другой стороны, увеличение авторами числа погибших в немецком плену, представляется верным. Военная комиссия Кривошеева занизила численность умерших в плену в два или более раза. Эту и ряд других проблем еще предстоит решить историкам Второй мировой войны.

Ключевые слова: *потери населения, цена войны, военные потери, демографические потери.*

В 2015 г. Федеральной службой государственной статистики был выпущен Юбилейный статистический сборник «Великая Отечественная война» Кожаный переплет, плотная красивая бумага, на каждой странице сверху девиз: «ПОБЕДА 70 ЛЕТ». На первой странице к читателям сборника обращается Председатель Государственной думы, он же председатель Российского исторического общества С.Е. Нарышкин. На второй – Руководитель Федеральной службы государственной статистики объясняет читателям:

«В условиях постоянных попыток переписать историю как никогда актуальна информация из первоисточников. Предлагаю вам ознакомиться со статистическими выкладками и понять, как и чем жила огромная страна в страшные годы войны, каковы были потери, сколько сил положено на послевоенное восстановление. За этими цифрами – история и жизни миллионов людей» [Великая Отечественная война 2015: 5].

СЕРГЕЙ МАКСУДОВ (babyonys@fas.harvard.edu), Центр Российских и Евроазиатских исследований имени Дэвиса Гарвардского Университета, США.

Статья поступила в редакцию в июне 2017 г.

«Первоисточники» – это, конечно, слишком сильно сказано. В основном перед нами результаты расчетов, опирающихся на материалы советской статистики. Но эти результаты представлены читателям в виде справочника, т.е. государство берет на себя ответственность за достоверность сообщаемой информации. Раздел «Статистические показатели по населению» в сборнике практически целиком посвящен результатам расчетов потерь населения Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского, Т.Л. Харьковской, сделанных в 1990-1993 гг. По этим данным численность населения СССР на 1 января 1941 г. составила 195,4 млн (на середину года – 196,7 млн), а на начало 1946 г. – 170,5 млн. Из них 159 456 тыс. человек родились до начала войны. Общее число умерших или выехавших из страны за военные годы составило таким образом 37,2 млн [Андреев и др. 1993: 74-75]. Рассчитывая естественную смертность населения в этот период по уровню предвоенного 1940 г., Андреев и соавторы получают 11,9 млн, а повышенная смертность поколений, родившихся до войны, составляет 25,3 млн (37,2 – 11,9)¹. Для поколений, учтенных переписью 1939 г., она была равна 24,5 млн, но с учетом потерь родившихся в 1939, 1940 и первой половине 1941 г. цифра возрастает до 25,3 млн [Андреев и др. 1993: 75-77].

Канонизация расчетов Андреева и соавторов мне кажется правильной, в частности, и потому, что практически такую же цифру потерь я подсчитал в своей первой демографической работе в 1977 г. [Maksudov 1977: 236; 1981: 276; Максудов 1989: 192]².

Одновременно с государственным признанием демографической оценки повышенной убыли населения СССР в 26,6 млн человек среди общественных организаций, занятых изучением результатов Второй мировой войны, в Интернете, в прессе и в Государственной думе раздаются утверждения, что потери были заметно большими, в частности, некоторые оценки повышают их до 42 млн человек. Активным распространителем этой идеи стал историк, директор Архангельского государственного социально-мемориального центра «Поиск», создатель сайта soldat.ru, руководитель множества общественных организаций и движений И.И. Ивлев. В 2012 г. «Новая газета» опубликовала большую статью с изложением его взглядов и оценок, а 14 февраля 2017 года в Государственной думе состоялись парламентские слушания под общим заголовком «Патриотическое воспитание граждан России: Бессмертный полк». На этих слушаниях был представлен доклад: «Документальная основа Народного проекта установления судеб пропавших без вести защитников отечества», в рамках которого были проведены исследования убыли населения СССР в 1941-1945 гг., а депутат Н.Г. Земцов показал видеоклип о работах И.И. Ивлева.

Публикации Ивлева широко обсуждаются в печати и Интернете, там отмечается множество ошибок и неверных утверждений, содержащихся в его работах. Особенно отмечу спокойную и убедительную статью Дмитрия Богоявленского [2013], в которой автор справедливо замечает, что Ивлев порой просто не понимает содержательного

¹ Рассчитав детскую смертность в годы войны, Андреев и соавторы увеличивают оценку потерь до 26,6 млн человек.

² В мою оценку потерь 24,5 млн не была включена повышенная смертность поколений 1941-1945 гг. рождения. С учетом этой поправки моя оценка составляет 26,5 млн человек.

значения цифр, которыми пытается оперировать. Упомяну также работу М.Б. Денисенко «Великая Отечественная война в демографическом измерении» [Денисенко 2005] в сборнике «Итоги Второй мировой войны. Покушение на великую победу», в которой рассматриваются демографические проблемы военного времени.

Меня, однако, больше всего поражает убежденность Ивлева в существовании абсолютно достоверных данных, спрятанных советскими властями в архиве. Вот, например, что он рассказывает об изучении им книги Андреева, Дарского и Харьковской (по его терминологии государственной комиссии):

*«В процессе авторских исследований было установлено, что государственная комиссия, проигнорировав или не найдя документов Госплана СССР, использовала методически неверный способ расчётов так называемой "передвижкой" вперёд и назад от опорных показателей. В качестве таковых для определения численности населения СССР на начало и конец войны ею использованы результаты переписей населения страны 1939 и 1959 гг. с "передвижкой" от них вперёд и назад данных о рождаемости, смертности, численности присоединённых территорий и миграции. Ниже дана иллюстрация из третьего издания комиссии "Великая Отечественная без грифа секретности. Книга «Потерь», где, ничтоже сумняшеся, обоснован столь экзотичный способ расчётов (М.: Вече, 2009, с. 44)»... И подано это было в трёх изданиях итогов работы комиссии так, словно в СССР не существовало подробнейшей государственной статистики Госплана по демографии! **Поверили все!** Уже на этом этапе численность населения СССР была искажена комиссией на **9,15** млн чел., несмотря на наличие в Российском государственном архиве экономики **подлинных документов о численности населения СССР на каждое первое число каждого месяца за 1941 и 1945**, на 8,3 млн показано меньше на начало войны и на 0,85 млн больше по её окончанию из-за сдвига даты расчёта на 31 декабря 1945 г. вместо 1 июля 1945 г. И это не единственное искажение сведений, приводящее к неверному результату. Ниже мы рассмотрим данные из документов Госплана СССР. Их копии размещены на сайте Солдат.ru.... В 2001 г. государственной комиссией была объявлена общая убыль населения СССР в **38,5** млн чел. Вычитание из неё 11,9 млн даёт те самые пресловутые 26,6. Но ведь "естественно" умершие уже учтены в этой численности! Т.е. **она заложена в расчётах комиссии дважды!** И если этого удвоения не делать, то у нас появляются "лишние" 11,9 млн чел. Если сложить их с потерями военнослужащих 8,7 млн чел., то мы получаем их безвозвратные потери в 20,6 млн чел. Это больше похоже на правду, граждане хорошие!»³.*

С такими же грозными обвинениями, но совершенно с других позиций, обрушивается на Андреева и соавторов историк В.Н. Земсков, автор серьезных работ о сталинских репрессиях:

«В итоге общие людские потери СССР в Великой Отечественной войне, определенные методом демографического баланса, равны 26,6 млн человек.

³ Интервью Ивлева АПН 17.09.2017.

Несмотря на кажущуюся фундаментальность и солидность указанных расчётов, у нас по мере неоднократных попыток их перепроверить неуклонно росло подозрение такого рода: а являются ли они, эти расчёты, результатом корректного подхода и не сокрыта ли здесь фальсификация? Наконец, стало ясно в чём дело: за подробным и внешне беспристрастным описанием методики подсчёта был сокрыт статистический подлог, призванный увеличить прежние официальные данные потерь на 7 млн человек (с 20 млн до 27 млн) посредством занижения на то же количество (на 7 млн) масштабов естественной смертности в 1941—1945 годы исходя из уровня смертности населения СССР в 1940 году (без указания конкретного числа умерших в 1940 г.). Логика здесь, по-видимому, была такая: всё равно никто не знает, сколько людей в СССР умерло в 1940 году, и не сможет проверить.

Проверить, однако, можно. В 1940 году в СССР умерло 4,2 млн человек. Эта цифра была опубликована в 1990 году в журнале «Вестник статистики» (см.: Вестник статистики. 1990. № 7. С. 34-46). Она же фигурирует в вышедшем в 2000 году 1-м томе фундаментального научного труда «Население России в XX веке» (см.: Население России в XX веке: Исторические очерки / Отв. редакторы: Ю.А. Поляков, В.Б. Жиромская. — М., 2000. Т. 1. С. 340). Это означает, что за 4,5 года (с середины 1941-го до конца 1945 г.), если исчислять в соотношении 1:1 к уровню смертности населения СССР в 1940 году, умерло бы 18,9 млн (4,2 млн x 4,5 года = 18,9 млн). Это такое количество людей, которые всё равно бы умерли в указанный период (1941—1945), даже если бы не было войны, и их надо вычитать из любых расчётов по определению людских потерь вследствие войны.

Комиссия, работавшая в 1989-1990 годах, это понимала и произвела соответствующую операцию в своих расчётах, но вычла (исходя якобы из уровня смертности в СССР в 1940 г.) только 11,9 млн человек. А надо-то было вычитать 18,9 млн! Именно таким способом были получены «дополнительные» 7 млн потерь (18,9 млн — 11,9 млн = 7 млн). Посредством этого ловкого статистического мошенничества в 1990 году официальные данные людских потерь СССР в Великой Отечественной войне были увеличены с 20 млн до 27 млн человек. По сути эти 27 млн есть такая же профанация, что и сталинские 7 млн, — только наизнанку.

Такова подоплёка появления новой официальной статистики людских потерь в войне. Все прочие существовавшие и существующие версии её происхождения, включая забавную «математическую формулу» (сталинские 7 млн хрущёвские 20 млн = горбачёвские 27 млн), являются, разумеется, ошибочными» [Земсков 2015].

Ответить на недоуменные вопросы Ивлева: «Почему результатам Андреева и соавторов все поверили?», — и на сердитые обвинения Земскова в фальсификации, заключавшейся в попытке скрыть цифру смертности 1940 г., нетрудно. Как говаривал известный литературный персонаж: «не бином Ньютона».

Расчет Андреева, Дарского и Харьковской заключается в том, что из численности населения в начале войны (назовем ее А) вычитается число выживших из этого населения к концу войны (Б). Полученный результат (С) — общая убыль населения. При этом С включает естественную нормальную смертность (Е) и повышенную смертность (П). Простая арифметическая задача для третьего класса. Если: $A - C = B$; то $C = A - B$, а $П = C - E$. И

нет никакого удвоения. Удивительно, что приходится объяснять такие элементарные вещи историку-исследователю.

Названная Земсковым цифра 4,2 млн отсутствует в справочниках ЦСУ СССР. В соответствующем справочнике за 1987 г. указано число умерших в 1940 г., равное 3,5 млн [Население СССР... 1988: 110]. 4,2 млн были введены в научный оборот именно Андреевым, Дарским и Харьковской [1990: 142] в опубликованной ими в журнале «Вестник статистики» статье, на которую и ссылается Земсков, видимо, никогда не видев ее в глаза. Кстати, упомянутые им авторы Поляков и Жиромская прямо сообщают, что цифра 4,2 млн заимствована у Андреева, Дарского и Харьковской [Население России... 2000: 340]. Получается, что он не видел и «фундаментального труда». В результате обвинение Земскова превращается в нелепую фантазмагорию: авторы публикуют статью в научном журнале и одновременно «совершают статистический подлог, стараясь скрыть от читателей опубликованный результат». Понять нелегко. Но забавно.

Еще более серьезную ошибку совершает Земсков, когда, оценивая норму смертности в военные годы, умножает 4,5 (число военных лет) на 4,2 млн (число умерших в 1940 г.). В этом расчете не учтено изменение возрастной структуры населения, связанное с резким сокращением рождаемости, а значит и числа детей в военные годы. Детская смертность в 1940 г. была еще очень высокой, что, при высокой предвоенной рождаемости, означало и большое число смертей. Это учтено в расчете Андреева и соавторов, смертность новорожденных участвует в нем только один раз, в первый военный год, смертность годовалых – два раза, двухлетних – три, четырехлетних – четыре раза и всех остальных возрастных групп – четыре с половиной раза. В расчете Земскова смертность новорожденных и всех других возрастов участвуют четыре раза. Отсюда и возникает заметное преувеличение естественной смертности.

Но главное, как уже отмечалось выше, не может Ивлев понять, зачем люди себя мучают, используют неверные мудреные методики, искажающие результаты, пытаются согласовать численность поколений в переписях с данными о рождаемости и смертности. Есть ведь другой, простой и надежный способ: зайти в архив и найти там подлинную «истину», заботливо подготовленную во время оно работниками Госплана. А как эти волшебные служащие создавали «подлинные» данные, добывали «истину» в условиях войны и оккупации, нашего исследователя совершенно не интересует. В архивах действительно нетрудно найти огромное количество цифр, но важно знать: кем, когда и каким способом они были получены. Госплан, как известно, не занимался изучением текущей демографической статистики. Он знаменит прогнозными оценками прироста населения за пятилетку, которые оказались преувеличенными чуть не на 10 млн. Расчетом текущей численности населения в стране занималось статистическое ведомство ЦСУ (в 1931-1941 гг. – ЦУНХУ). Правда, в 1931-1948 гг. оно действительно подчинялось Госплану, но учет населения оставался его специфической задачей. Им была проведена перепись в январе 1939 г. Численность населения по этим данным составила 170,5 млн человек. По

мнению Андреева с соавторами, как и многих других исследователей, перепись преувеличила численность населения, их расчет дал 168 524 тыс. [Андреев и др. 1993: 118]⁴.

Статистическим ведомством также была проделана большая работа по исследованию численности населения на присоединенных в 1939-40 и 1945 г. территориях. Был изучен обмен населением с соседними странами перед войной, во время войны и в послевоенные годы. Сегодня трудно понять, насколько надежны результаты этой работы, но других у нас нет. Никто, насколько мне известно, не сумел ее повторить. Оценка ЦСУ численности населения с учетом этих поправок появилась в первом послевоенном статистическом сборнике уже после смерти Сталина. По публиковавшимся в советское время сведениям, численность населения СССР в начале 1939 г. была равна 190,7 млн, а прирост в 1939 г. составил 3,3 млн, в 1940 г. – 2,6 млн, а в первой половине 1941 г. – примерно 1,3 млн [Население СССР... 1975: 7-9]. Можно утверждать, что численность населения на 22 июня 1941 г. была не выше 197-198 млн человек, что не сильно отличается от оценки Андреева и соавторов (196,7 млн). Данные, «обнаруженные» Ивлевым, это численность населения по переписи с поправкой на прирост в последующие два с половиной довоенных года. Его собственный уникальный вклад в демографию заключается в добавлении к численности населения сведений о переписанных особым порядком военных и заключенных. Тут, действительно, появляется двойной счет, поскольку общеизвестно, что в результаты переписи при публикации, также как и любые указания о численности населения в справочниках, всегда включают все группы населения.

Однако критика расчета демографических потерь не является главной задачей Ивлева. Цель его авторских исследований – изучение собственно военных потерь, оценка которых выполнена и опубликована коллективом под руководством Г.Ф. Кривошеева [Гриф секретности... 1993]⁵. Ивлев высказывает целый ряд замечаний к этому расчету, часто совпадающих с претензиями других авторов. Но вот как выглядит его собственная попытка пересмотра баланса призванных в армию в книге Кривошеева:

«На 1 июля 1945 г. известны официальная численность ВС СССР (12,8398 млн), комиссованных по увечьям инвалидов (3,4651 млн), вернувшихся из плена военнослужащих (0,9493 млн, не возвращённых в ВС СССР), переведённых в промышленность специалистов (0,09473 млн), осуждённых лиц (0,4366 млн), не разысканных дезертиров из войск (0,2124 млн), а также невозвращенцев с Запада (0,25 млн). Всего 18,25 млн чел. Если верить официальной численности находившихся в войну "под ружьём" в 34,5 млн чел., то выходит, что отсутствуют в учёте живых на эту дату 16,25 млн чел. Из них 8,7 млн чел., как мы знаем, - официальные безвозвратные потери ВС СССР. Почему разница в 7,55 млн человек

⁴ На мой взгляд, перепись 1939 г. была необычайно точной, единственной в СССР (а возможно и в мире), когда тратились огромные усилия, чтобы правильно учесть каждого человека. И даже введение поправки в 1% как оценки числа лиц, пропущенных при обходе, было не лишним. От переписи уклонялись сектанты, бывшие заключенные и, главное, сельские жители, бежавшие в ходе коллективизации в город и жившие у родственников без прописки, имя им — миллион. При этом в расчете Андреева и соавторов поправку можно не вводить, поскольку ее не было в переписи 1959 г.

⁵ См. также [Людские потери... 1995: 25-81].

на 1 июля 1945 г. отсутствует в официальной численности потерь военнослужащих? Куда они делись? И верить ли официальной численности тех, кто был "под ружьём"?»⁶.

В приведенной цитате выделены жирным шрифтом цифры, которые неверно цитируются по книге [Гриф секретности... 1993: 127-144]. Демобилизовано по болезни или инвалидности было 3798 тыс., передано для работы в промышленности – 3615 тыс., вернулось из плена 1836 тыс. военнослужащих. Подставив правильные цифры, получаем военные потери 11 165 тыс. Этот результат мало отличается от безвозвратных потерь вооруженных сил, рассчитанных Кривошеевым (11 444) [Гриф секретности... 1993: 130-131,140-141].

К сожалению, приходится констатировать, что с пониманием демографических сведений и аккуратным обращением с цифрами у Ивлева действительно дело обстоит неважно. Однако из этого не следует безусловная достоверность результатов Кривошеева. За 20 лет к этой работе накопилось много серьезных, конкретных претензий. Немалое их число содержится и в работе Земскова. Отмечается неполнота оценок потерь в отдельных сражениях, приводятся результаты исследования картотек Министерства обороны, военкоматской статистики и других картотек, созданных различными общественными движениями и организациями. Обсуждаются материалы архива Военно-медицинского музея, сведения немецких архивов о количестве советских военнопленных.

Я также принадлежу к числу критиков работы Кривошеева. Я писал, что нужно в воинские потери включать всех, кто сражался с немцами: и ополченцев, и партизан, и подпольщиков, и строителей оборонительных сооружений. Я утверждал, что численность военнопленных и их потери в работе Кривошеева учтены не полно, а замечание, что в немецких лагерях было очень много гражданских лиц, нуждается в серьезных количественных доказательствах. Совершенно напрасно Кривошеев все 500 тыс. призывников, не добравшихся до своих воинских частей, прямым образом отправляет в немецкие лагеря. Скорее всего, большинство этих людей просто сняли форму (если она у них была) и разбежались по домам. Вообще, отсутствие в статистике Кривошеева категории дезертиры отдаляет ее от реальности. Расчеты Кривошеева не учитывают военнопленных, вернувшихся домой в обход фильтрационных лагерей, так же, как и военнопленных, скрывавшихся на оккупированной территории, но не попавших в повторную мобилизацию, занижают численность военнослужащих, оставшихся на Западе, недостаточно полно учитывают естественную смертность военнослужащих как на фронте, так и в тыловых подразделениях. Каждая из упомянутых проблем требует серьезного изучения, и весьма вероятно, что данные Кривошеева будут со временем заметно откорректированы.

Следует, однако, иметь в виду, что на увеличение размеров потерь убитыми существуют серьезные демографические ограничения: они не могут превосходить численность призывных возрастов, и нужно учитывать, что на каждого убитого в бою приходилось в те годы примерно по три раненых. В упомянутой выше работе . [Maksudov 1977: 23-265] я подсчитал потери Красной армии, опираясь на довольно скудные данные переписи 1939 г. о возрастном составе населения, сведения Военно-медицинской

⁶ Интервью АПН 17. 09.2017.

энциклопедии, литературу о войне, в том числе и мемуары немецких генералов, издававшиеся для служебного пользования. Расчет включал численность возможного призывного контингента по годам на территориях незанятых немцами. Учитывалась ориентировочная численность белобилетников и получивших броню для работы в тылу. Предполагалось, что призывали всех, кого можно, и отправляли на фронт всех призванных. Там они вступали в бой оказывались убитыми, ранеными, или пленными⁷. Соотношение между убитыми и ранеными принималось 1:2 в 1941 г. и 1:3 в 1942-45 гг. Семьдесят процентов раненых возвращались в строй через 3-4 месяца. Результаты этого грубого демографического расчета, к моему удивлению, оказались очень близки к данным Кривошеева [Максудов 1989: 206].

Мобилизованные у меня – 32 млн, у Кривошеева – 30862⁸ млн, разница – 3,6%; убитых – 5,5 и 5,592 млн (без 137 тыс. умерших от болезней), разница – 1,7%; раненых – 18 и 18,3 млн, 1,8% соответственно; умерших от ран в госпиталях – 1 и 1,1 млн, 10%; находившихся в госпиталях в конце войны – 1 и (1) млн, 0%; демобилизованных – 4,7 и 3,798 млн, 19,2%; попало в плен – 5,7 и 4,059 млн, 30%; погибли в плену – 3,3 и 1,3 млн⁹, 61%; оставались в вооруженных силах – 13,7 и 12,840 млн, 6,3%.

Мы видим, что существенная разница отмечается только в числе военнопленных и погибших в плену. В моем расчете выяснилось, что призывной контингент 1942-1943 гг. не просто был полностью использован, но включал лиц старше и младше призывного возраста. Открывшиеся архивные материалы показали, что положение было еще более тяжелым, чем мне представлялось. Я недооценивал сроков обучения призванных людей: лишь солдаты, служившие прежде в армии, могли быть сразу брошены в бой, остальные нуждались в обучении в течение 6-9 месяцев. К этой группе принадлежали практически все коренные жители Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Знание русского языка было также важным фактором, ограничивавшим мобилизацию неславян. Я недостаточно учитывал разницу в национальном составе мобилизуемых. Уже в 1941 г. призыву в армию не подлежали немцы, финны, корейцы, болгары, греки, турки, уроженцы западных областей Украины и Белоруссии, жители Бессарабии, Северной Буковины (по национальности поляки, украинцы, белорусы). Дивизии, сформированные до войны из народов Прибалтики, были отведены в тыл и расформированы. Провести мобилизацию удалось только в Эстонии, где из 147 тыс. военнообязанных сумели призвать лишь 38,5 тыс. В конце 1941 г. было разрешено сформировать латышскую дивизию, а затем еще несколько дивизий из жителей Прибалтики. Ряд народов Закавказья также не подлежал мобилизации: аджарцы, хевсуры, курды, сваны. Представителей этих народов было приказано отсеять из войсковых частей и направить на работу в тыл. В июле 1942 г. был запрещен призыв представителей коренных народов Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Дагестана. Незнание русского языка и отсутствие воинского обучения затрудняли мобилизацию населения Средней Азии и

⁷ В этом варианте статьи [Максудов 1989: 191-200] использованы немецкие сведения о взятых в плен красноармейцах.

⁸ Было мобилизовано 34476 тыс., но 3614 тыс. были переданы для работы в промышленности и в других военизированных формированиях.

⁹ Из них 200 000 или больше остались на западе. Кривошеев очень неохотно называет численность военнопленных, иногда включая в их число 500 000 пропавших без вести в начале войны, иногда относя их к убитым.

Казахстана. 9 октября 1943 г. «до особых распоряжений был приостановлен призыв молодежи местных национальностей» Узбекской, Таджикской, Туркменской, Казахской, Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР [Безугольный 2016: 153-188].

В то же время я не учел, что освобожденные для службы в тылу могут быть направлены в действующую армию. В моем расчете также отсутствуют оценки числа призванных помимо военкоматов прямо в воинские части. Информация о такой практике в освобожденных районах Украины появилась в современной литературе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Оценка военных потерь требует дополнительного изучения материалов военных архивов, в частности, согласования сведений военкоматов с данными военного командования.
2. Должны быть тщательно изучены материалы немецких архивов о судьбе советских военнопленных.
3. В военные потери должны быть включены все сражавшиеся с немцами.
4. При оценке потерь следует учитывать категорию дезертиров.
5. Книги «Памяти», банки данных, собранных посредством опросов родственников и знакомых, должны быть тщательно изучены. Эта информация должна быть рассмотрена в первую очередь на местном уровне: семья, село, предприятие, школа, район.
6. При оценке мобилизационного запаса и потерь следует принимать во внимание взаимосвязь убитых в бою с числом раненых, а также общую ограниченность мобилизационного резерва в границах территории, свободной от оккупации.
7. Необходимо полностью прекратить «соревновательный» характер сопоставления потерь СССР и Германии. Это, безусловно, мешает непредвзятой спокойной оценке потерь советского населения.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев Е.М., Л.Е. Дарский, Т.Л. Харьковская (1993). Население Советского Союза: 1922-1991. М.: Наука. 143 с.
- Андреев Е.М., Л.Е. Дарский, Т.Л. Харьковская (1990). Опыт оценки численности населения СССР. 1926-1941 гг. (Краткие результаты исследования) // Вестник статистики. 7: 34-46.
- Безугольный А. (2016). «Источник дополнительной мощи Красной Армии...» и Национальный вопрос в военном строительстве СССР 1922-1945. М. 296 с.
- Богоявленский Д.Д. (2013). Еще раз о потерях в Великой Отечественной войне // Демоскоп Weekly. 559-560.
URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0559/analit03.php> (дата обращения: 10.04.2017).
- Великая Отечественная война (2015). Юбилейный статистический сборник. М. 190 с.

- Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах (1993) / Под редакцией Г.Ф. Кривошеева. М.: Олма-Пресс. 416 с.
- Денисенко М.Б. (2005). Великая Отечественная война в демографическом измерении // Итоги Второй мировой войны. Покушение на Великую Победу. М.: Алгоритм, Эксмо: 82-114.
- Земсков В.Н. (2015). Проблемы установления масштаба людских потерь СССР в Великой Отечественной войне // Политическое просвещение. 2 (85): 15-42.
- Людские потери СССР в Великой Отечественной войне (1995). Сборник статей. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр 'Блиц'. 190 с.
- Максудов М. (1989). Потери населения СССР в 1918-1953 // Потери населения СССР. Бенсон (Вермонт): Чалидзе: 177-212.
- Мировые войны XX века (2002). Кн.4. Вторая мировая война. Документы и материалы / Отв. ред. М.Ю. Мягков. М.: Наука. 677 с.
- Население России в XX веке. Исторические очерки (2000). 1. 1900-1939 / Отв. редакторы Ю.А. Поляков, В.Б. Жиромская. М.: РОССПЭН. 471 с.
- Население СССР. 1973 (1975). Статистический сборник. М.: Статистика. 208 с.
- Население СССР. 1987 (1988). Статистический сборник. М.: Финансы и статистика. 439 с.
- Maksudov S. (1977). Pertes subies par la population de l'URSS 1918-1958 // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. Paris, XVIII: 223-265.
- Maksudov S. (1981). Losses suffered by the population of the USSR 1918-1958 // Samizdat Register II / R. Medvedev, ed. London-New York: Merlin Press: 270-276.

ESTIMATING MILITARY LOSSES: A SEARCH FOR TRUTH, IGNORANCE OR BIAS?

SERGEI MAKSUDOV

Although the Great Patriotic War ended more than 70 years ago, the issue of how to estimate military and civilian losses among the Soviet population is still hotly debated today in both academic and socio-political circles. In part, this is the result of the coming to light of new archival materials and information preserved by the families of those who suffered during the war. At the same time, the increased use of media, and especially the Internet, allows people who are not sufficiently competent to assess this material, but who nevertheless are committed to certain viewpoints, to widely disseminate their opinions.

Thus, the historian I. Ivlev claims that in order to estimate the size of the population in 1941 it is not necessary to utilize census data or fertility and mortality statistics, as he has located in the Gosplan archive an absolutely reliable "true" estimate. This article demonstrates the erroneous approach employed by Ivlev and other authors, who generally over-estimate the number of demographic losses.

Regarding actual military losses, the number of deaths cannot be greatly over-stated, as it is bounded by the number of those drafted in the unoccupied territories and the ratio among combat losses of the killed, the wounded and survivors. (As a rule, those killed in battle represent 20-25% of those entering into combat.) Conversely, the authors' increased estimates for the number of deaths in German captivity appear credible. Krivosheev's military commission underestimated the number of dead prisoners by a factor of two or more. This and a host of other problems still remain to be resolved by historians of the Second World War.

Key words: losses of population, cost of war, military losses, demographic losses.

SERGEI MAKSUDOV (babyonys@fas.harvard.edu), DAVIS CENTER FOR RUSSIAN AND EURASIAN STUDIES, HARVARD UNIVERSITY, USA.

DATE RECEIVED : JUNE 2017.

REFERENCES

- Andreev E.M., L.E. Darsky, T.L.Kharkova (1993). *Naselenie Sovetskogo Soyuz: 1922-1991* [Population of the Soviet Union: 1922-1991]. Moscow: Nauka. 143 p.
- Andreev E.M., L.E. Darsky, T.L.Kharkova(1990). *Opyt otsenki chislennosti naseleniya SSSR. 1926-1941 gg. (Kratkie rezul'taty issledovaniya)* [Experience estimating the population of the USSR. 1926-1941. (Brief results of the study)] // *Vestnik statistiki* [Bulletin of statistics]. 7: 34-46.
- Bezugolny A. (2016). «Istochnik dopolnitel'noy moshchi Krasnoy Armii...» i Natsional'nyy vopros v voennom stroitel'stve SSSR 1922-1945 [«The source of an additional potential of the Red Army». The nationality issue in a build up of military force of the USSR 1922-1945]. Moscow: ROSSPEN. 296 p.
- Bogoyavlensky D.D. (2013). *Eshche raz o poteryakh v Velikoy Otechestvennoy voyne* [Once again about losses during Great Patriotic War] // *Demoscop Weekly* [Demoscope Weekly]. 559-560. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0559/analit03.php> (accessed: 10.04.2017).
- Denisenko M.B. (2005). *Velikaya Otechestvennaya vojna v demograficheskom izmerenii* [The Great Patriotic War in demographic dimension] // *Itogi Vtoroy mirovoy voyny. Pokushenie na Velikuyu Pobedu* [The results of the Second World War. The attempts to revise the role of the Great victory]. Moscow: Algoritm, Eksmo: 82-114.

- Grif sekretnosti snyat. Poteri vooruzhennykh sil SSSR v voynakh, boevykh deystviyakh i voennykh konfliktakh [Secrecy label removed. Casualties of the armed forces of the USSR in wars, hostilities and military conflicts] (1993) / G.F. Krivosheev, ed. Moscow: Olma-Press. 416 p.
- Lyudskie poteri SSSR v Velikoy Otechestvennoy voyne [Human losses of the USSR during the war of 1941-1945] (1995). Sbornik statey [Collected papers]. St.-Petersburg: Russko-Baltiyskiy informatsionnyy tsentr "Blits". 190 p.
- Maksudov S. (1977). Pertes subies par la population de l'URSS 1918–1958 // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. Paris, XVIII: 223–265.
- Maksudov S. (1981). Losses suffered by the population of the USSR 1918–1958 // Samizdat Register II / R. Medvedev, ed. London–New York: Merlin Press: 270-276.
- Maksudov S. (1989). Poteri naseleniya SSSR v 1918-1953 [Losses Suffered by the Population of the USSR 1918–1953] // Poteri naseleniya SSSR [Losses Suffered by the Population of the USSR]. Benson (Vermont): Chalidze: 177-212.
- Mirovye voyny XX veka [World wars of the 20-th century] (2002). Kniga 4 [Book 4]. Vtoraya mirovaya voyna. Dokumenty i materialy [The second World War. Documents and materials] / M.Yu. Myagkov, ed. Moscow: Nauka. 677 p.
- Naselenie Rossii v XX veke. Istoricheskie ocherki [The population of Russia in the XX century. Historical essays] (2000). 1. 1900-1939 / Yu.A. Polyakov, V.B. Zhiromskaja, eds. Moscow: ROSSPEN. 471 p.
- Naselenie SSSR. 1973 [Population of the USSR. 1973] (1975). Statisticheskiy sbornik [Statistical collection]. Moscow: Statistika. 208 p.
- Naselenie SSSR. 1987 [Population of the USSR. 1987] (1988). Statisticheskiy sbornik [Statistical collection]. Moscow: Finansy i statistika. 439 p.
- Velikaya Otechestvennaya voyna [The Great Patriotic war] (2015). Yubileynyy statisticheskiy sbornik [Jubilee statistical yearbook]. Moscow. 190 p.
- Zemskov V.N. (2015). Problemy ustanovleniya masshtaba lyudskikh poter' SSSR v Velikoy Otechestvennoy voyne [The problem of determining of the scale of human losses of the USSR in the Great patriotic War] // Politicheskoe prosveshchenie [Political education]. 2 (85): 15-42.